

П. 9114/2

Г. В. Плехановъ

Годъ на Родинѣ

Полное собраніе статей и рѣчей 1917 — 1918 г.
въ двухъ томахъ

ТОМЪ ВТОРОЙ

II 89

J. POVOLOZKY & Cie, EDITEURS,
13, rue Bonaparte, Paris (VIe)

Домъ Плеханова

№ 2317

Открытое письмо къ петроградскимъ рабочимъ

(«Единство», № 173 отъ 28-го октября 1917 г.)

Товарищи!

Не подлежить сомнѣнію, что многіе изъ васъ рады тѣмъ событіямъ, благодаря которымъ пало коалиціонное правительство А. Ф. Керенскаго и политическая власть перешла въ руки Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Скажу вамъ прямо : меня эти событія огорчаютъ.

Не потому огорчаютъ, чтобы я не хотѣлъ торжества рабочаго класса, а наоборотъ, потому, что призываю его всѣми силами своей души.

Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ нѣкоторые агитаторы и публицисты изображали меня чуть-ли не контръ-революціонеромъ. Во всякомъ случаѣ, они охотно распространялись на ту тему, что я готовъ перейти или уже перешелъ на сторону буржуазіи. Но эти агитаторы и публицисты, — по крайней мѣрѣ, тѣ между ними, которые не страдали неизлѣчимымъ простодушіемъ, — конечно, сами не вѣрили тому, что распространялось ими на мой счетъ. Да и нельзя было этому вѣрить.

Кому извѣстна была исторія моей политической дѣятельности, тотъ знаетъ, что уже съ начала восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, — со времени основанія группы «Освобожденія Труда», — въ ея основѣ лежала одна политическая мысль : мысль объ историческомъ призваніи пролетаріата, вообще, и русскаго пролетаріата, въ частности.

«Революціонное движеніе въ Россіи восторжествуетъ, какъ движеніе рабочаго класса или совсѣмъ не восторжествуетъ», сказалъ я въ рѣчи о русскомъ положеніи, произнесенной мною на Парижскомъ Международномъ Соціалистическомъ Съѣздѣ 1889 г., — этомъ первомъ Съѣздѣ 2-го Интернаціонала.

Эти мои слова недоувѣрчиво встрѣчены были огромнымъ большинствомъ участниковъ Съѣзда. Россія представлялась имъ такой безнадежно отсталой страной, что они должны были принять и дѣйствительно приняли за несбыточную утопію мое мнѣніе о великомъ историческомъ призваніи русскаго пролетаріата въ области нашей внутренней политики. Только мой другъ Жюль

Гэдъ, зять Маркса, Шарль Лонгэ, да еще старый дѣятель германской социаль-демократіи Вильгельмъ Либкнехтъ, иначе отнеслись къ мысли, мною высказанной. Они нашли, что мысль эта проливаетъ новый свѣтъ на дальнѣйшій ходъ русскаго общественнаго развитія и соотвѣтствующаго ему освободительнаго движенія.

Что же касается нашей революціонной интеллигенціи того времени, то въ ея средѣ моя парижская рѣчь вызвала значительное неудовольствіе. Вѣра въ промышленный пролетаріатъ считалась тогда у насъ вредной ересью. Интеллигенція насквозь пропитана была старозавѣтными народническими понятіями, согласно которымъ промышленный *рабочій не могъ* претендовать ни на какую самостоятельную историческую роль. Въ лучшемъ случаѣ онъ способенъ былъ, по убѣжденію тогдашнихъ народниковъ, поддерживать революціонное движеніе крестьянства. И это убѣжденіе такъ сильно укоренилось въ интеллигенціи, что всякое отклоненіе отъ него считалось почти измѣной революціонному дѣлу.

Въ первой половинѣ девяностыхъ годовъ «*легальные*» народники печатно называли насъ, «*нелегальныхъ*» проповѣдниковъ идеи рабочаго сословія (какъ выразился бы Лассаль), *кабатчиками*, а одинъ изъ нихъ выразилъ ту отрадную увѣренность, что ни одинъ уважающій себя журналъ не позволитъ себѣ напечатать на своихъ страницахъ изложеніе нашихъ взглядовъ.

Въ продолженіе цѣлой четверти вѣка мы стойко выносили самыя ожесточенныя нападки и преслѣдованія. Мы обладали той «*благородной упрямкой*», на которую съ гордостью указывалъ нѣкогда Ломоносовъ, какъ на одно изъ отличительныхъ свойствъ своего характера. И вотъ теперь, когда жизнь какъ нельзя болѣе убѣдительно показала, что мы были правы; теперь, когда русскій рабочій классъ въ самомъ дѣлѣ сталъ великой движущей силой общественнаго развитія, мы отвернемся отъ него и перейдемъ на сторону буржуазіи? Да вѣдь это ни съ чѣмъ не сообразно; этому можетъ повѣрить лишь тотъ, кто не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о психологіи!

Повторяю, этому не вѣрятъ сами наши обвинители. И, конечно, сознательные элементы русскаго рабочаго класса отвергнутъ это обвиненіе, какъ недостойную клевету на тѣхъ, которыхъ сами обвинители не могутъ не признать первоучителями русской социаль-демократіи.

Итакъ, не потому огорчаютъ меня событія послѣднихъ дней,

чтобы я не хотѣлъ торжества рабочаго класса въ Россіи, а именно потому, что я призываю его всѣми силами души.

Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ намъ, русскимъ социаль-демократамъ, очень часто приходилось вспоминать замѣчаніе Энгельса о томъ, что для рабочаго класса не можетъ быть большаго историческаго несчастья, какъ захватъ политической власти въ такое время, когда онъ къ этому еще не готовъ. Теперь, послѣ недавнихъ событій въ Петроградѣ, сознательные элементы нашего пролетаріата обязаны отнестись къ этому замѣчанію болѣе внимательно, чѣмъ когда бы то ни было.

Они обязаны спросить себя : готовъ-ли нашъ рабочій классъ къ тому, чтобы теперь же провозгласить свою диктатуру?

Всякій, кто хоть отчасти понимаетъ какія экономическія условія предполагаются диктатурой пролетаріата, не колеблясь, отвѣтитъ на этотъ вопросъ рѣшительнымъ отрицаніемъ.

Нѣтъ, нашъ рабочій классъ еще далеко не можетъ, съ пользой для себя и для страны, взять въ свои руки всю полноту политической власти. Навязать ему такую власть, значить, толкать его на путь величайшаго историческаго несчастья, которое было бы, въ то же время, величайшимъ несчастіемъ и для всей Россіи.

Въ населеніи нашего государства пролетаріатъ составляетъ не большинство, а меньшинство. А между тѣмъ онъ могъ бы съ успѣхомъ практиковать диктатуру только въ томъ случаѣ, если бы составлялъ большинство. Этого не станеть оспаривать ни одинъ серьезный социалистъ.

Правда, рабочій классъ можетъ рассчитывать на поддержку со стороны крестьянъ, изъ которыхъ до сихъ поръ состоитъ наибольшая часть населенія Россіи. Но крестьянству нужна земля, въ замѣнъ капиталистическаго строя социалистическимъ оно не нуждается. Больше того : хозяйственная дѣятельность крестьянъ, въ руки которыхъ перейдетъ помѣщичья земля, будетъ направлена не въ сторону социализма, а въ сторону капитализма. Въ этомъ опять таки не можетъ сомнѣваться никто изъ тѣхъ, которые хорошо усвоили себѣ нынѣшнюю социалистическую теорію. Стало быть, крестьяне — совсѣмъ ненадежный союзникъ рабочаго въ дѣлѣ устройства социалистическаго способа производства. А если рабочій не можетъ рассчитывать въ этомъ дѣлѣ на крестьянина, то на кого же онъ можетъ рассчитывать? Только на самого себя. Но вѣдь онъ, какъ сказано, въ меньшинство, тогда какъ для основанія

соціалистическаго строя необходимо *большинство*. Отсюда неизбежно слѣдуетъ, что если бы, захвативъ политическую власть, нашъ пролетаріатъ захотѣлъ совершить «соціальную революцію», то сама экономика нашей страны осудила-бы его на жесточайшее поражение.

Говорять : то, что начнетъ русскій рабочій, будетъ dokonчено нѣмецкимъ. Но это — огромная ошибка.

Спора нѣтъ, въ экономическомъ смыслѣ Германія гораздо болѣе развита, чѣмъ Россія. « Соціальная революція » ближе у нѣмцевъ, чѣмъ у русскихъ. Но и у нѣмцевъ она еще не является вопросомъ нынѣшняго дня. Это прекрасно сознавали всѣ толковые германскіе соціаль-демократы, какъ праваго, такъ и лѣваго крыла, еще до начала войны. А война еще болѣе уменьшила шансы соціальной революціи въ Германіи, благодаря тому печальному обстоятельству, что большинство нѣмецкаго пролетаріата съ Шейдеманомъ во главѣ стало поддерживать германскихъ имперіалистовъ. Въ настоящее время въ Германіи нѣтъ надежды не только на « соціальную », но и на политическую революцію. Это признаетъ Бернштейнъ, это признаетъ Гаазе, это признаетъ Каутскій, съ этимъ навѣрное согласится Карлъ Либкнехтъ.

Значить, нѣмецъ не можетъ dokonчить то, что будетъ начато русскимъ. Не можетъ dokonчить это ни французъ, ни англичанинъ, ни житель Соединенныхъ Штатовъ. Несвоевременно захвативъ политическую власть, русскій пролетаріатъ не совершитъ соціальной революціи, а только вызоветъ гражданскую войну, которая, въ концѣ концовъ, заставитъ его отступить далеко назадъ отъ позицій, завоеванныхъ въ февралѣ и мартѣ нынѣшняго года.

А война, которую поневолѣ приходится вести Россіи? Страшно осложняя положеніе дѣлъ, она еще больше уменьшаетъ шансы соціальной революціи и еще больше увеличиваетъ шансы поражения рабочаго класса.

На это возражаютъ : мы декретируемъ миръ. Но, чтобы германскій императоръ послушался нашего декрета, надо, чтобы мы оказались сильнѣе его, а такъ какъ сила на его сторонѣ, то, « декретируя » миръ, мы тѣмъ самымъ декретируемъ его побѣду, т. е. побѣду германскаго имперіализма надъ нами, надъ трудящимся населеніемъ Россіи. Рѣшите сами, можемъ ли мы радостно привѣтствовать подобную побѣду.

Вотъ почему, дорогие товарищи, меня не радуютъ, а огорчаютъ недавнія событія въ Петроградѣ. Повторяю еще разъ. Они огорчаютъ меня не потому, чтобы я не хотѣлъ торжества рабочаго класса; а, наоборотъ, потому, что я призываю его всѣми силами души и вмѣстѣ съ тѣмъ вижу, какъ далеко отодвигаютъ его названныя событія.

Ихъ послѣдствія и теперь уже весьма печальны. Они будутъ еще несравненно болѣе печальными, если сознательные элементы рабочаго класса не выскажутся твердо и рѣшительно противъ политики захвата власти однимъ классомъ или, — еще того хуже, — одной партіей.

Власть должна опираться на коалицію всѣхъ живыхъ силъ страны, то есть на всѣ тѣ классы и слои, которые не заинтересованы въ возстановленіи стараго порядка.

Я давно уже говорю это. И считаю своимъ долгомъ повторить это теперь, когда политика рабочаго класса рискуетъ принять совсѣмъ другое направленіе.

Сознательные элементы нашего пролетаріата должны предостеречь его отъ величайшаго несчастья, какое только можетъ съ нимъ случиться.

Весь вашъ *Г. Плехановъ.*

Плеханов Г. В.

Открытое письмо к петроградским рабочим. До 28 октября 1917.

Печ. 35x 22.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 5. Ед. хр. 570

Опубл.: Единство. 1917. 28 октября.

Российская Социал-Демократическая рабочая Партия.

Пролетарии всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Открытое письмо къ петроградскимъ рабочимъ.

Товарищи!

Не подлежит сомнѣнію, что многіе изъ васъ рады тѣмъ событіямъ, благодаря которымъ пало коалиціонное правительство А. Ф. Керенскаго и политическая власть перешла въ руки Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Скажу вамъ прямо: меня эти событія огорчаютъ

Не потому огорчаютъ, чтобы я не хотѣлъ торжества рабочаго класса, а наоборотъ, потому, что я призываю его всѣми силами своей души.

Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ нѣкоторые агитаторы и публицисты изображали меня чуть-ли не контрреволюціонеромъ. Во всякомъ случаѣ они охотно распространялись на ту тему, что я готовъ перейти или уже перешелъ на сторону буржуазіи. Но эти агитаторы и публицисты, — по крайней мѣрѣ тѣ между ними которые не страдали неизлѣчимымъ простодушіемъ, — конечно, сами не вѣрили тому, что распространялось ими на мой счетъ. Да и нельзя было этому повѣрить.

Кому извѣстна была исторія моей политической дѣятельности, тотъ знаетъ, что уже съ начала восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія — со времени основанія группы «Освобожденіе труда», — въ ея основѣ лежала одна политическая мысль: мысль объ историческомъ призваніи пролетаріата вообще и русскаго пролетаріата въ частности.

«Революціонное движеніе въ Россіи восторжествуетъ, какъ движеніе рабочаго класса или совсѣмъ не восторжествуетъ», сказала я въ рѣчи о русскомъ положеніи, произнесенной мною на парижскомъ международномъ социалистическомъ съѣздѣ 1889 г., — этомъ первомъ съѣздѣ 2-го Интернаціонала.

Эти мои слова недовѣрчиво встрѣчены были огромнымъ большинствомъ участниковъ съѣзда. Россія представлялась имъ такой безнадежно отсталой страной, что они должны были принять и дѣйствительно приняли за несбыточную утопію мое мнѣніе о великомъ историческомъ призваніи русскаго пролетаріата въ области нашей внутренней политики. Только мой другъ Жюль Гэдъ, зять Маркса Шарль Лонгэ, да еще старшій дѣятель германской социаль-демократіи, Вильгельмъ Либкнехтъ иначе отнеслись къ мысли, мною высказанной. 4 Они нашли, что мысль эта проливаетъ новый свѣтъ на дальнѣйшій ходъ русскаго общественнаго развитія и соотвѣтствующаго ему освободительнаго движенія.

Что же касается нашей революціонной интеллигенціи того времени, то въ ея средѣ моя парижская рѣчь вызвала значительное неудовольствіе. Вѣра въ промышленный пролетаріатъ считалась тогда у насъ вредной ересью. Интеллигенція насквозь пропитана была старозавѣтными народническими понятіями, согласно которымъ промышленный **рабочій не могъ** претендовать ни на какую самостоятельную историческую роль. Въ лучшемъ случаѣ онъ способенъ былъ, по убѣжденію тогдашнихъ народниковъ, поддержать революціонное движеніе крестьянства. И это убѣжденіе такъ сильно укоренилось въ интеллигенціи, что всякое отклоненіе отъ него считалось почти измѣной революціонному дѣлу.

Въ первой половинѣ девяностыхъ годовъ «легальные» народники печатно называли насъ, «нелегальныхъ» проповѣдниковъ идеи рабочаго сословія (какъ выразился бы Лассаль), **кабатчиками**, а одинъ изъ нихъ выразилъ ту отрадную увѣренность, что ни одинъ уважающій

себя журналъ не позволить себѣ напечатать на своихъ страницахъ изложеніе нашихъ взглядовъ.

Въ продолженіе цѣлой четверти вѣка мы стойко выносили самыя ожесточенныя нападки и преслѣдованія. Мы обладали той «благородной упрямкой», на которую съ гордостью указалъ нѣкогда Ломоносовъ, какъ на одно изъ отличительныхъ свойствъ своего характера. И вотъ, когда жизнь, какъ нельзя болѣе убѣдительно показала, что мы были правы; теперь, когда русскій рабочій классъ въ самомъ дѣлѣ сталъ великой движущей силой общественнаго развитія, мы отвернемся отъ него и перейдемъ на сторонѣ буржуазіи? Да вѣдь это ни съ чѣмъ не сообразно; этому можетъ повѣрить лишь тотъ, кто не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о психологіи!

Повторяю, этому не вѣрять сами наши обвинители. И, конечно, сознательные элементы рабочаго класса отвергнуть это обвиненіе, какъ недостойную клевету на тѣхъ, которыхъ сами обвинители не могутъ не признать первоучителями русской соціально-демократіи.

Итакъ, не потому огорчаютъ меня событія послѣднихъ дней, чтобы я не хотѣлъ торжества рабочаго класса въ Россіи, а именно потому, что я призываю его всѣми силами души.

Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ намъ, русскимъ соціально-демократамъ, очень часто приходилось вспоминать замѣчаніе Энгельса о томъ, что для рабочаго класса не можетъ быть большаго историческаго несчастья, какъ захватъ политической власти въ такое время, когда онъ къ этому еще не готовъ. Теперь, послѣ недавнихъ событій въ Петроградѣ, сознательные элементы нашего пролетаріата обязаны отнестись къ этому замѣчанію болѣе внимательно, чѣмъ когда бы то ни было.

Они обязаны спросить себя: готовъ-ли нашъ рабочій классъ къ тому, чтобы теперь же провозгласить свою диктатуру?

Всякій, кто хоть отчасти понимаетъ, какія экономическія условія предполагаются диктатурой пролетаріата, не колеблясь, отвѣтитъ на этотъ вопросъ рѣшительнымъ отрицаніемъ:

Нѣтъ нашъ рабочій классъ еще далеко не можетъ съ пользой для себя и для страны, взять въ руки всю полноту политической власти. Нарязывать ему такую власть, значитъ, толкать его на путь величайшаго историческаго несчастья, которое было бы, въ то же время, величайшимъ несчастьемъ и для всей Россіи.

Въ населеніи нашего государства пролетаріатъ составляетъ **не большинство, а меньшинство.** А между тѣмъ, онъ могъ бы съ успѣхомъ практиковать диктатуру только въ томъ случаѣ, если бы составлялъ большинство. Этого не станеть оспаривать ни одинъ серьезный соціалистъ.

Правда, рабочій классъ можетъ рассчитывать на поддержку со стороны крестьянъ, изъ которыхъ до сихъ поръ состоитъ наибольшая часть населенія Россіи. Но крестьянству нужна земля, въ замѣнѣ капиталистическаго строя соціалистическимъ оно не пуждается. Больше того: хозяйственная дѣятельность крестьянъ, въ руки которыхъ перейдетъ помѣщичья земля, будетъ направлена не въ сторону социализма, а въ сторону капитализма. Въ этомъ опять таки не можетъ сомнѣваться никто изъ тѣхъ, которые хорошо усвоили себѣ нынѣшнюю соціалистическую теорію. Стало бытъ, крестьяне—совсѣмъ

союзникъ рабочаго въ дѣлѣ устройства социалистическаго способа производствъ. А если рабочій не можетъ разсчитывать въ этомъ дѣлѣ на крестьянина, то на кого онъ можетъ разсчитывать? Только на самого себя. Но вѣдь онъ, какъ сказано, въ **меньшинствѣ**, тогда какъ для основанія социалистическаго строя необходимо **большинство**. Отсюда неизбежно слѣдуетъ, что если бы, захвативъ политическую власть, нашъ пролетаріатъ захотѣлъ совершить «соціальную революцію», то сама экономика нашей страны осудила бы его на жесточайшее пораженіе.

Говорятъ: то, что начнетъ русскій рабочій, будетъ dokonчено—нѣмецкимъ. Но это огромная ошибка.

Спора нѣтъ, въ экономическомъ смыслѣ Германія гораздо болѣе развита, чѣмъ Россія «Соціальная революція» ближе у нѣмцевъ, чѣмъ у русскихъ. Но и у нѣмцевъ она еще не является вопросомъ нынѣшняго дня. Это прекрасно сознавали всѣ толковые германскіе социал-демократы, какъ праваго, такъ и лѣваго крыла, еще до начала нынѣшней войны. А война еще болѣе уменьшила шансы соціальной революціи въ Германіи, благодаря тому печальному обстоятельству, что большинство нѣмецкаго пролетаріата съ Шейдеманомъ во главѣ стало поддерживать германскихъ империалистовъ. Въ настоящее время въ Германіи нѣтъ надежды не только на «соціальную», но и на политическую революцію. Это признаетъ Вершттейнъ, это признаетъ Гаазе, это признаетъ Каутскій, съ этимъ, навѣрное, согласится Карлъ Либкнехтъ.

Значитъ, нѣмецъ не можетъ dokonчить то, что будетъ начато русскимъ. Не можетъ dokonчить это ни французъ, ни англичанинъ, ни житель Соединенныхъ Штатовъ. Несвоевременно захвативъ политическую власть русскій пролетаріатъ не совершитъ соціальной революціи, а только вызоветъ гражданскую войну, которая въ концѣ концовъ заставитъ его отступить назадъ отъ позицій, завоеванныхъ въ февралѣ и мартѣ нынѣшняго года.

А война, которую поневолѣ приходится вести Россіи?

Страшно осложняя положеніе дѣлъ, она еще болѣе уменьшаетъ шансы соціальной революціи и еще болѣе увеличиваетъ шансы пораженія рабочаго класса.

На это возражаютъ: мы декретируемъ миръ. Но, чтобы германскій императоръ послушался нашего декрета, надо, чтобы мы оказались сильнѣе его, а такъ какъ сила на его сторонѣ, то «декретируя» миръ, мы тѣмъ самымъ декретируемъ его побѣду, т. е. побѣду германскаго империализма надъ нами, надъ трудящимся населеніемъ Россіи. Рѣшите сами, можемъ ли мы радостно провѣтствовать подобную побѣду.

Вотъ почему, дорогие товарищи, меня не радуютъ, а огорчаютъ недавнія событія въ Петроградѣ. Повторяю еще разъ. Они меня огорчаютъ не потому, чтобы я не хотѣлъ торжества рабочаго класса; а, наоборотъ, потому, что я призываю его всѣми силами своей души и вмѣстѣ съ тѣмъ вижу, какъ далеко отодвигаютъ его названныя событія.

Ихъ послѣдствія и теперь уже весьма печальны. Они будутъ еще несравненно болѣе печальны, если сознательные элементы рабочаго класса не выскажутся твердо и рѣшительно противъ политики захвата власти однимъ классомъ или, — еще того хуже, одной партіей.

Власть должна опираться на коалицію всѣхъ живыхъ силъ страны, то есть на всѣ тѣ классы и слои, которые не заинтересованы въ возстановленіи стараго порядка.

Я давно уже говорю это. И считаю своимъ долгомъ повторить это теперь, когда политика рабочаго класса рискуетъ принять советѣмъ другое направленіе.

Сознательные элементы нашего пролетаріата должны предостеречь его отъ величайшаго несчастья, какое только можетъ съ нимъ случиться.

Весь вашъ

Г. Плехановъ.

ТОВАРИЩИ И ГРАЖДАНЕ!

ГОЛОСУЙТЕ ЗА

№ 17

Списокъ въ Учредительное Собрание

Всерос. Соціал-Демокр. Орган. „ЕДИНСТВО“